

**РЕПРЕССАЛИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ:
ПОНЯТИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ***А. М. Ибрагимов, Ю. В. Самович***ACTS OF REPRISAL IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW:
THE CONCEPT AND POSSIBLE ARRANGEMENTS***A. M. Ibragimov, Yu. V. Samovich*

Современному международному праву не присущи властные функции, которые могли бы заставить его субъекты неукоснительно выполнять свои юридические обязательства. Такое обстоятельство зачастую подводит государство к необходимости обеспечивать выполнение международных обязательств самостоятельно, с помощью обращения к принудительным мерам, направленным на восстановление его прав, нарушенных другим государством. К таким мерам относятся репрессалии.

The power functions, which could make law subjects strictly execute their obligations in law, do not inhere in contemporary international law. Such obligations often lead a state to a necessity of executing international obligations independently with the help of appealing to enforcement arrangements, aimed at restoration of its rights, breached by another state. The acts of reprisal are one of these arrangements.

Ключевые слова: репрессалии, международное право, понятие, меры, принуждение.

Keywords: acts of reprisal, international law, concept, arrangements, enforcement.

В современном мире наблюдается устойчивая тенденция к нарушению норм международного права, поэтому сегодня все или почти все исследователи международного права видят смысл в том, чтобы попытаться сконцентрировать внимание коллег и читателей, проявляющих интерес к алгоритмам решения этой проблемы, на тех мерах принуждения, которые могут быть приняты государствами индивидуально для того, чтобы добиться обеспечения их партнерами по международным договорам своих правовых обязательств. Авторы настоящей статьи разделяют такое сложившееся в научном сообществе убеждение в полной мере.

Меры принуждения, которые государства могут принимать индивидуально, являются институтами или категориями права международной ответственности, и как таковые обеспечивают реализацию ответственности в конкретной правовой форме.

В их состав мы включаем только те меры, которые допустимы с точки зрения международного права, и которые государства могут принять сами. Для начала представляется необходимым ответить на ключевой вопрос, возможно ли по международному праву принятие государствами мер принуждения (даже без применения силы оружия) по отношению к другим государствам. Возможно. Принятие таких мер возможно против любого государства, включая могущественные США. И мировой опыт располагает немалым количеством примеров, подтверждающих это. Так что не такое уж неуязвимое это государство – США. Вообще, мировой опыт показывает, что без ущерба для принципов международного права государства используют самые разнообразные меры подобного типа с целью оказать давление на другие страны в ответ на действие, совершенное государством, против которого эти меры направлены. Такие меры можно разделить на две крупные категории: а) реторсии; б) не связанные с использованием вооруженных сил репрессалии (в терминологии актов ООН – контрмеры).

Реторсии выходят за рамки нашего анализа, посвященного репрессалиям, но поскольку мы не сможем обойтись без их сравнения друг с другом, кратко определимся с этим понятием. На наш взгляд, наиболее точно и концентрировано понятие «реторсия» раскрывает индийский автор У. Палванкар. Он пишет, что реторсией называют недружественный и даже наносящий ущерб государству акт, однако, по существу законный, совершаемый в ответ на предшествующее действие, которое также могло быть недружественным, но законным или незаконным в соответствии с международным правом [7, с. 354]. Хотя это определение дано применительно к международному гуманитарному праву, оно вполне приемлемо и для права международной ответственности, так как не обнаруживает сколько-нибудь существенных с ним противоречий. Другое дело не связанные с использованием вооруженных сил репрессалии. В теории под репрессалиями понимают правомерные принудительные действия государства, направленные на восстановление прав, нарушенных другим государством, при помощи действий, иных, чем применение силы или угроза ее применения [6, с. 285]. Иногда их называют встречными, или ответными, нарушениями международного права. Это, разумеется, нельзя понимать буквально. Поскольку они являются мерами международно-правового принуждения, репрессалии не могут быть нарушениями международного права [5, с. 355]. Репрессалии должны носить характер соразмерности и при несоблюдении данного условия могут рассматриваться как месть [3, с. 413 – 414].

Репрессалии – это один из традиционных, но не бесспорных способов обеспечения соответствия с правом. Это так называемые «допустимые отклонения» от международно-правовых норм, суть которых состоит в применении принудительных мер в ответ на неправомерные действия государства, а основная цель – заставить данное государство соблюдать международно-правовые нормы. С другой стороны, как справедливо замечает немецкий юрист М. Бота, будучи

основанными на односторонней оценке одной стороной правомерности действий другой, они влекут серьезный риск взаимных обвинений, причинения вреда невинным людям и эскалацию неправомерного поведения [2, р. 302].

Репрессалии вызывают много споров и в мирное время. О напряженности дискуссии, не ограничивающейся только рамками научного спора, свидетельствуют позиции государств, которые они занимали и продолжают занимать в процессе кодификации и прогрессивного развития международного гуманитарного права. В этом смысле показательным обсуждением вопроса о допустимости применения вооруженных репрессалий в качестве способа заставить соблюдать международное гуманитарное право, которое происходило в процессе проведения Дипломатической конференции 1974 – 1977 гг. Были обозначены две позиции: одна предполагала общее запрещение репрессалий, другая обосновывала право прибегать к ним в ответ на нарушение международного гуманитарного права [1, с. 71 – 86]. И только снятие государствами вышеуказанных предложений позволило сформулировать в Дополнительном протоколе I нормы, запрещающие применение вооруженных репрессалий. Протокол I устанавливает достаточно жесткий запрет на репрессалии, направленные против любых категорий покровительствуемых лиц, оказавшихся во власти неприятеля. И это совершенно справедливая мера – даже если репрессалии действительно оправданы, их воздействие, в большинстве случаев, затрагивает ни в чем не повинных гражданских лиц.

Подчеркнем важное для тематики нашего анализа, в этой отрасли международного права к числу возможных мер репрессалий относятся:

- 1) ограничение или запрещение торговли оружием и сотрудничества в области военных технологий и науки;
- 2) ограничения на экспорт товаров из совершившего нарушение государства и (или) на импорт товаров в это государство; полное запрещение коммерческих отношений;
- 3) запрет на капиталовложения;
- 4) замораживание капитала;
- 5) приостановление действия соглашений о воздушном транспорте (или других соглашений).

Все они призваны создать затруднения для нормальных экономических и финансовых отношений с тем, чтобы побудить правонарушителя прекратить нарушения международного гуманитарного права и возобновить их полноценное соблюдение.

Если попытаться теоретически обобщить феномен репрессалий, сделать более понятным приведенное выше их определение, под репрессалиями следует понимать действия, неправомерные по своей природе, но которые в исключительных случаях могут быть оправданы в свете неправомерных действий, ранее предпринятых государством, против которого они направлены. Разумеется, репрессалии не могут относиться к нарушениям международного права – просто в том случае, если бы соответствующие действия не носили ответного характера, были бы осуществлены государством первым, они представляли бы собой

международное правонарушение [9, с. 255]. На наш взгляд, такое понимание репрессалий было свойственно ранним представлениям членов Комиссии ООН по международному праву [4, р. 115], таким оно материализовалось в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправное деяние (далее по тексту – Проект статей) (ст. 22) [8, с. 217 – 236]. Но что характерно для Проекта статей: не в пример международному гуманитарному праву в нем вообще нет перечня видов или возможных мер репрессалий. Это не случайность и не упущение авторов этого документа. Авторы Проекта статей были и остались едины во мнении, что в таком ключевом источнике права международной ответственности не может быть перечня репрессалий. Они как контрмеры децентрализованное понятие, могущее быть сосредоточенным в национальном праве государств. Все согласны с тем, что в международном праве есть принуждение, что оно должно допускаться до определенного уровня, не выходить за определенные границы. Потерпевшее государство, исходя из обычного и договорного права, само определяет допустимые пределы, характер и меры репрессалий, чтобы в конечном счете это не давало преимущества какому-либо государству. В числе таких децентрализованных репрессалий назовем, в частности, арест морского судна и штраф в отношении него за незаконный лов рыбы в территориальных водах прибрежного государства, бойкот, полное прекращение международного договора в ответ на существенное его нарушение другой стороной, отказ от выполнения международного договора вследствие поставки ядерного оборудования государству, в отношении которого приняты и действуют меры международных санкций, эмбарго и т. д.

Еще одна важная для понимания репрессалий уточняющая деталь – это законность, или, если точнее, правомерность репрессалий. Их правомерность, особенно в том, что касается содержания и применения этих принудительных мер, определяется не только с позиции ограничений, продиктованных требованиями цивилизации и гуманности, но и их целью. Целью репрессалий не является наказание, ведь это же не санкции, а контрмеры. Кроме того, репрессалии не преследуют цель получения компенсации за то или иное правонарушение, они суть намерение заставить виновное в нарушении права государство, путем нанесения ему ущерба, прекратить это нарушение и удержать его от повторения того же нарушения в будущем. Особо подчеркнем, чтобы репрессалии как меры принуждения оставались правомерными, они должны быть:

- а) направлены против государства, которое само несет ответственность за совершение незаконного действия;
- б) предвзяты предупреждением, направляемым этому государству с требованием прекратить указанное действие или действия;
- в) соразмерными; любые меры, несоизмеримые с вызвавшим их действием, являются чрезмерными, и, стало быть, неправомерными;
- г) согласованы с основными принципами и нормами современного международного права;

д) временными и, следовательно, прекращаться, как только соответствующее государство перестанет нарушать международное право.

Если строго придерживаться буквы Проекта статей, без ущерба для вышеизложенных нами пунктов следует выделить диспозицию его ст. 49. В ней установлены цель и пределы репрессалий, именуемых в тексте контрмерами.

В первом пункте ст. 49 установлено, что потерпевшее государство может принимать контрмеры против государства, ответственного за международно-противоправное деяние, только с целью побудить это государство выполнить его обязательства согласно Части второй Проекта статей. Отметим, что Часть вторая Проекта статей фиксирует общие принципы ответственности государств, положения о возмещении вреда и об ответственности за серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права. В соответствии со вторым пунктом рассматриваемой статьи репрессалии ограничиваются временным неисполнением международно-правовых обязательств принимающего такие меры государства в отношении ответственного государства. Содержание третьего пункта статьи также ново, и сводится к тому, что, по возможности, репрессалии принимаются таким образом, чтобы позволить возобновление исполнения соответствующих обязательств. Как видим, наши выводы, изложенные в пяти пунктах, предыдущего абзаца совпадают с положениями ст. 49 Проекта статей, если не иметь в виду новые ее положения. Однако дело этим не исчерпывается.

В п. 1 ст. 52 Проекта статей мы находим положение, созвучное нашим выводам. В частности, в подпункте b указанного пункта статьи установлена обязанность потерпевшего государства до принятия репрессалий в виде контрмер уведомить ответственное государство о любом решении принять контрмеры и предложить провести переговоры с этим государством. В подпункте b п. 3 этой же статьи обращает на себя внимание новое по своей природе положение из которого следует, что репрессалии не могут приниматься, а принятые следует прекратить, если спор находится на рассмотрении суда или трибунала, компетентного выносить обязательные для сторон решения. Отметим, что эти и другие положения Проекта статей имеют руководящее, регулирующее значение для решения вопросов о привлечении виновных государств к ответственности за их международно-противоправные деяния. При этом наш анализ был бы метафизичным, лишенным полноты и всесторонности, если бы мы ничего не сказали об этом важном правовом документе с точки зрения его применения в конкретной практической ситуации.

Как известно, совсем недавно российско-американские отношения были неожиданно омрачены скандалом в связи с гибелью в следственном изоляторе г. Москвы аудитора фонда «Эрмитэдж кэпитал» (США) гражданина России С. Магнитского. Этот скандал имеет нигилистическую в отношении международного права природу. Проявляя неуважение к

Проекту статей, нормы которого стали для всего сообщества государств обычным применимым правом, США приняли так называемый «закон Магнитского», который установил в отношении России и некоторых ее граждан жесткие, отдающие духом «холодной войны» ограничения якобы в ответ на систематические нарушения прав человека, в частности, прав и свобод Магнитского, в Российской Федерации. Правомерность принятия такого закона США достаточно сомнительна – международный «авторитет» Проекта статей предполагает некоторый пиетет к соответствию требованиям, установленным данным документом, касающимся ответных принудительных мер. Между тем, хорошо известно, что до принятия пресловутого «закона Магнитского» американские власти не потребовали прекращения нарушений прав человека в РФ, не предупреждали Россию о недопустимости нарушений таких прав в отношении конкретных лиц, не пытались вести переговоры об этом с ее представителями, как требует этого Проект статей. Если даже в России имеют место быть такие нарушения, то их наличие следует доказывать, и только после этого можно говорить о введении соразмерных ответных мер принуждения, чем, к сожалению, в США явно пренебрегли. Позиция США в этом деле вполне укладывается в рамки их устоявшегося внешнеполитического курса, исповедующего уже ущербную для настоящего времени философию отрицания международного права. По мнению руководящих кругов США, международное право не соответствует представлениям американцев о роли Соединенных Штатов в регулировании мировых проблем современности. В итоге, развитие событий по делу Магнитского и вокруг него не могло не отразиться на поведении Российской Федерации. В России не преминули принять ответные шаги на неправомерные действия США, в РФ появился закон «Димы Яковлева», установивший ряд симметричных ограничений в отношении США и некоторых категорий их граждан. Таких твердых шагов Российской Федерации можно было избежать, если бы США соотносили свои действия с международным правом, и не приняли дискриминационный, идущий в разрез с Проектом статей «закон Магнитского».

Итак, мы рассмотрели некоторые аспекты репрессалий, как принудительных мер, ограничивающих права другого государства, охраняемые международным правом, в ответ на правонарушение. Репрессалии сегодня востребованы международной практикой, изобилующей отклоняющимся от норм международного права поведением государств. В этом смысле нам было важно проанализировать возможные в практике формы воплощения таких мер во взаимодействии с понятиями, институтами и нормами международного права.

Литература

1. Акты Дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. – Т. X. – Женева, 1974 – 1977; Берн, 1978.
2. Bothe, M. The role of national law in the implementation of international humanitarian law / M. Bothe // *Etudes et essais sur le droit international humanitaire et sur les principes de la Croix-Rouge en l'honneur de Jean Pictet*. – The Hague, 1984.
3. Буше-Сольнье, Ф. Практический словарь гуманитарного права / Ф. Буше-Сольнье; пер. с франц. Е. Кирпичниковой. – М., 2004.
4. ILC Draft Article 30 on State Responsibility, Yearbook of the International Law Commission. – 1979. – Vol. 2.
5. Калугин, В. Ю. Курс международного гуманитарного права / В. Ю. Калугин. – Минск, 2006.
6. Международное право: словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Трофимова. – М., 1997.
7. Палванкар, У. Меры, с помощью которых государства могут выполнить свое обязательство обеспечить соблюдение международного гуманитарного права / У. Палванкар // *Имплементация международного гуманитарного права: сб. ст. и док. Международный комитет Красного Креста*. – М., 1998.
8. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния от 12 декабря 2001 года // *Московский журнал международного права*. – 2002. – № 3.
9. Черниченко, С. В. Теория международного права: в 2 т. – Т. 1: Современные теоретические проблемы / С. В. Черниченко. – М., 1999.

Информация об авторах:

Ибрагимов Ахмед Муслимович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета, 89637911196, ahmed63@yandex.ru.

Ahmed M. Muslimov – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of International Law, Dagestan State University.

Самович Юлия Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 89039077812, sazhar1@pisem.net.

Yuliya V. Samovich – Doctor of Law, Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Kemerovo State University.